

АКТУАЛИЗАЦИЯ МУЗЕЙНОГО ПРЕДМЕТА ИЛИ «ЗАГАДКА КИТАЙСКОЙ ТУФЕЛЬКИ»

О «музейном буме» 1960 – 1980 гг., когда два здания краеведческого музея ежедневно посещали более 300 посетителей, когда все в городе знали, где находится музей, ходят легенды. Сейчас желающих посетить традиционную экскурсию очень мало. Правда, достаточно востребованы интерактивные познавательно-досуговые программы, но большинство сотрудников относятся к такой форме работы пренебрежительно, как к второсортному «ширпотребу».

С конца 1980-х гг. в России (а в Европе – с конца 1950-х гг.) стали меняться представления о назначении музея, о приоритете его просветительной функции. Извечному вопросу «Что делать?», как «изменяться музею в меняющемся мире» и посвящен этот доклад.

Современное состояние общества получило название постиндустриальное. Другое его название - информационное. Французский философ Ж.-Ф. Лиотар в своей работе «Состояние постмодерна» пишет о том, что в современном обществе «меняется характер знания – его слишком много, - соответственно возникает проблема выбора знания». «Знание перестает быть самоцелью, оно производится и будет производиться, чтобы быть проданным». Социолог и социальный философ Г. Маркузе считает, что «в обмен на удобства, наполняющие жизнь, индивиды продают не только свой труд, но и свое свободное время». «Контроль за информацией, поглощение индивида повседневностью приводят к упадку сознания, дозированной и ограниченной информации». В результате «ослабились живые связи между индивидом и культурой», а на досуге люди предпочитают «повеселиться», «пообщаться», «покататься».

Поэтому музейным работникам для того, чтобы выполнять свои функции по собиранию, сохранению и актуализации исторического наследия, необходимо учитывать потребности потенциальной музейной аудитории, в том числе - «меркантилизацию знания» и стремление к комфортному и развлекательному досугу. Не случайно многие зарубежные и некоторые отечественные музеи создают рекреационные и интерактивные зоны для комфортного и, в то же время, содержательного отдыха.

Определение ценности музейного предмета, его свойств и функций является основной проблемой научных сотрудников музеев. В отличие от экспонатов художественных музеев, музейные предметы краеведческих музеев не всегда привлекательны эстетически. Их ценность в другом – в причастности к значимым событиям, к интересным судьбам людей или к определенному (зачастую – необычному) укладу жизни. Другими словами они обладают информационным потенциалом, раскрыть который и призваны музейщики.

К сожалению, экспонаты не могут сами поведать свои необыкновенные и поучительные истории. Как правило, без дополнительных средств большая часть информационного потенциала остается невыявленной, а значит, - неинтересной для посетителей музея. Отсюда следует вывод о необходимости перевода заключенной в вещевом источнике информации или в вербальную форму (аннотации, экскурсионный рассказ), или в зрительный образ, достигаемый архитектурно-художественными средствами. Но проблема в том, что наши современники, избалованные техническими зрелищными эффектами,

комфортом и доступностью информации, не очень-то стремятся послушать экскурсовода или прочитать сопроводительный текст. Усугубляет положение и «кризисное» финансирование, когда художник и экспозиционер при оформлении новой экспозиции вынуждены довольствоваться примитивным оборудованием в требующих ремонта залах.

Что же можно сделать уже сейчас, без дополнительных материальных затрат, на существующих традиционных экспозициях для актуализации музейного предмета, а значит, и предыдущего исторического опыта? Если многие наши современники стремятся к знаниям «сиюминутного значения», то экскурсоводу стоит выбирать те экспонаты, которые отвечают на насущные вопросы современности, а также предлагать посетителю творческую деятельность, связанную с этим экспонатом и с этой проблемой.

Так, например, при ведении обзорной экскурсии, на выставке «Очарование Востока», я выделяю 3 экспоната. Это: китайская женская туфелька, скульптура «Карп, превращающийся в Дракона» и трубка для курения опиума.

Китайская туфелька вызывает размышления на вечную тему о взаимоотношениях мужчины и женщины, а также на животрепещущую тему нашего времени – о пластических операциях и стереотипах красоты, что актуально для возрастной категории «от 12 и старше». Для того, чтобы посетители могли «повеселиться» и «пообщаться» написан сценарий о дебатах в китайском правительстве перед официальной отменой обычая «бинтования ног». Семь участников приклепляют себе «бэйджи» с именами персонажей, и по напечатанным репликам разыгрывают сценку. Эта 3-х минутная театрализация неизменно вызывает бурные эмоции и заинтересованное обсуждение.

Тема преодоления жизненных трудностей актуальна для всех категорий посетителей. Поэтому после рассказа о скульптуре «Карп, превращающийся в Дракона» все с удовольствием делают на память фигурку карпа в технике оригами.

Очень печальный и поучительный экспонат – трубка для курения опиума. Когда, при ведении экскурсии я называю этот экспонат, слышу от подростков шутки типа: «Ой, дайте покурить» или «А, может, открыть в музее Школу юного наркомана?» Но после рассказа об опиумных войнах западных стран против Китая и осознания того, что мы сейчас тоже находимся на фронте такой же войны, даже самым беспокойным подросткам шутить на тему наркотиков уже не хочется.

Таким образом, важнейшим фактором актуализации музейного предмета является наличие человека, «носителя традиции» (или «носителя размышлений о традиции»), посредством которого происходит актуализация. В музее всегда присутствует разница во времени между эпохой и культурой, представляемыми музейными предметами, и нашим сегодняшним днем.

Замечательно, когда в штате музея работает квалифицированный психолог, который хорошо знает особенности восприятия и менталитета наших современников. Но один психолог не сможет заниматься комплектованием фондов, изучением музейных предметов, организацией экспозиции и ведением экскурсий и т.д. Поэтому от музейного сотрудника требуются способность осознавать потребности разных категорий посетителей, выделять экспонаты, которые могут быть интересными именно этим людям, иметь «интерактивные заготовки», находить

ассоциации с современными предметами или процессами, умение активизировать собственное «Я» посетителя, его жизненный и культурный опыт и сопоставлять его с ушедшим временем и иной культурой.

Общепризнанно, что ключевым моментом в деле сохранения исторического наследия является осознание его как духовной, а потому бесценной и вечной, ценности. Все мы являемся свидетелями того, что пока такого осознания не произойдет, наше наследие будет разрушаться. К сожалению, история России XX в. не является примером бережного и уважительного отношения к своей истории. Поэтому нам, российским музейщикам, в отличие от западных коллег, приходится не только поддерживать ценностное отношение к историческому наследию, но и, зачастую, выстраивать связь поколений заново. А для этого необходимо относиться к современной действительности и к социокультурным процессам как к очередному звену в истории, который требует нашего понимания.

Н.С.Корепанов
Екатеринбург

КТО ПОХОРОНЕН НА ПЛОЩАДИ?

Летом 2008 г. в центре Екатеринбурга на площади им. 1905 г. археологи Научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры Свердловской области вскрыли несколько захоронений XVIII в. Могилы эти имеют отношение к приходскому кладбищу первоначальной деревянной Богоявленской церкви, освященной в 1747 г. Наибольший интерес вызвала тогда могила молодого мужчины 30 – 40 лет, похороненного в офицерском мундире. Руководитель раскопок С.Н. Погорелов охарактеризовал захоронение как склеп с кирпичным арочным сводом, характерным для второй половины XVIII в., цвет мундира назвал рыжеватым, порывавшим от времени и тлена. По поводу личности похороненного краевед В.К. Некрасов (к сожалению, ныне уже покойный) высказал мысль, многими подхваченную, что это известный екатеринбургский благотворитель Семен Метлин.

О Метлине вкратце сообщим, что в истории Екатеринбурга XVIII в. он был весьма заметной и колоритной фигурой. Пензенский дворянин, в 1730-е гг. участвовал в Оренбургской экспедиции, был захвачен в плен казахами, откуда спустя год бежал. В Екатеринбурге служил с конца 1740-х гг., в разные годы возглавлял местный гарнизон и полицию, входил в руководство горной администрации. Действительно, он был похоронен при Богоявленской церкви, уже каменной, выстроенной и освященной в 1770-е гг. Однако предположение, что именно его могилу нашли археологи, сразу же пришлось отметить. Во-первых не подходил возраст: Метлин скончался в 1780 г. на седьмом десятке лет. Во-вторых, не соответствовал мундир. Метлин дослужился до гражданского чина коллежского асессора (что соответствует пехотному майору), а на обшлагах покойного, по словам С.Н. Погорелова, явственно были видны три полосы. Это значит, что похоронен был унтер-шихтмейстер 1 класса; внетабельный чин его соответствовал пехотному подпрапорщику.

Мундиры в горном ведомстве ввели в 1755 г. По сенатскому указу мундир состоял из красного кафтана с белыми обшлагами, белого камзола и красных штанов. У офицеров по борту кафтана и камзола шел золотой галуун; унтер-шихтмейстеры галуунов не имели, а на обшлагах их мундиров золотом были вышиты одна, две или три полосы – соответственно 3, 2 или 1 класса. Офицерские мундиры обязаны были носить также и гражданские